

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК КОНСТРУКТОР БУДУЩЕГО СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Ю. Р. Вишнеvский, А. Н. Тарасова

*Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Россия, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
a.n.tarasova@urfu.ru*

Аннотация: Современный университет все больше ориентируется на студенческую субъектность, т.е. его деятельность направлена на конструирование не будущего студентов, а субъекта, который сам способен определять и формировать свое будущее. Но связывают ли студенты свое настоящее обучение с последующей жизнью и трудовой деятельностью? В статье рассматривается, как современная студенческая молодежь оценивает тот набор условий, возможностей и инструментов, которые дает им вуз для конструирования будущего. Цель статьи – выделить факторы, детерминирующие в сознании молодежи связь между обучением в настоящем моменте и тем, что ожидается после его завершения в будущем. Эмпирической базой работы послужили данные VIII этапа мониторинга студенчества Свердловской области, представляющие собой результаты анкетного опроса 2000 студентов из 13 вузов региона. В ходе исследования изучалось отношение к учебе, удовлетворенность качеством подготовки, применением различных форм обучения и возможностями, предлагаемыми вузом. В результате анализа выделены две группы факторов: объективные (набор возможностей, предоставляемых вузом) и субъективные (личная ответственность и осознанность студентов). От их сочетания зависит, воспринимает ли студенческая молодежь обучение как актуальное для своего будущего, т.е. отмечает ли наличие связи получаемых знаний, навыков и компетенций с последующей жизнью и работой. Сделан вывод о том, что университет должен не только предоставлять новые образовательные возможности для студентов, но и заниматься формированием осознанности и ответственности студентов в плане конструирования их будущего. Представленные в работе результаты и выводы будут полезны менеджменту университетов в проектировании различных практик, форм и методов работы со студентами. Также статья может представлять интерес для исследователей и широкой общественности.

Ключевые слова: молодежь, высшее образование, образовательная траектория, набор компетенций, конструирование будущего

Благодарности. Подготовлено в рамках госзадания вузу, шифр проекта FEUZ-2022-0026.

Для цитирования: Вишнеvский Ю. Р., Тарасова А. Н. Высшее образование как конструктор будущего современной молодежи // Университетское управление: практика и анализ. 2022. Т. 26, № 3. С. 10–21. DOI 10.15826/umpa.2022.03.018

HIGHER EDUCATION AS A SET OF ELEMENTS FOR BUILDING THE FUTURE OF MODERN YOUTH

Yu. R. Vishnevskiy, A. N. Tarasova

*Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin
19 Mira st., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation
a.n.tarasova@urfu.ru*

Abstract: The modern university is increasingly focused on student subjectivity, that is, the activity is aimed not at constructing the future of students, but at constructing a subject that can determine and shape its future. But do students connect their current studies with their future life and work? The article examines how modern students evaluate the set

of conditions, opportunities and tools that the university gives them to design their future. The purpose of the article is to identify the factors that determine in the minds of young people the connection between learning in the present and what is expected after completing training in the future. The empirical basis of the work was the data of the VIII stage of monitoring the students of the Sverdlovsk region, which are the results of a questionnaire survey of 2000 students from 13 universities of the Sverdlovsk region. The study examined the attitude to study, satisfaction with the quality of training, the use of various forms of education, and the opportunities offered by the university. As a result of the analysis, two groups of factors were identified: objective (a set of opportunities provided by the university) and subjective (personal responsibility and awareness of students). Their combination determines whether students perceive their studies as relevant for their future and whether they note the connection of the acquired knowledge, skills, and competencies with future life and work. It is concluded that the university should not only provide new educational opportunities for students but also engage in the formation of awareness and responsibility of students in designing their future. The results and conclusions presented in the paper will be useful to university management in designing various practices, forms, and methods of working with students. The article may also be of interest to researchers and the general public.

Key words: youth, higher education, educational trajectory, set of competencies, designing the future

Acknowledgements. Prepared as a part of the state assignment to the university, the code of the project is FEUZ-2022-0026 project.

For citation: Vishnevskiy Yu. R., Tarasova A. N. Higher Education as a Set of Elements for Building the Future of Modern Youth. *University Management: Practice and Analysis*, 2022, vol. 26, nr 3, pp. 10–21. doi 10.15826/umpa.2022.03.018. (In Russ.).

Введение

Российская высшая школа вновь находится в ожидании крутых перемен. Выход из Болонского процесса и возрождение самостоятельного качественного высшего образования потребует совместных усилий и управленцев вузов, и профессорско-преподавательского состава, и российского студенчества. Это, в частности, актуализирует социологические исследования динамики ценностных установок и ориентаций студенчества, одним из которых является мониторинг студенчества Среднего Урала (1995–2020 гг.) Журнал уже делал достоянием вузовской общественности материалы и выводы первых семи этапов мониторинга [1; 2], представляя управленцам вузов и широкой общественности особенности социокультурного развития студенчества, и показывая, как из года в год меняются ценностные ориентации студентов, их профессиональное самоопределение, гражданская культура и другие характеристики.

Особенностью VIII волны мониторинга стал акцент на темпоральные установки студентов [3], что становится особенно актуальным в современных условиях усиливающейся неопределённости и высоких рисков. Традиционная модель обучения в текущей ситуации нестабильности уже не эффективна, что дало основания Б. Риддингу сказать: «Университет в руинах» [4, 38]. Соответственно, высшее образование активно трансформируется, ориентируясь на новые тренды, такие, как цифровизация, междисциплинарность, развитие активных методов обучения (проблемные занятия, проектное обучение и т. п.), индивидуализация обучения (возможность

выбора траектории обучения) [5; 6; 7]. При этом делается ставка на ответственность студентов, т. е. предполагается, что они осознанно относятся к своему обучению и обладают необходимым уровнем вовлеченности. Как отмечает А. К. Ключев, сущностной характеристикой современного университета является возрастание студенческой субъектности [3, 345]. Университет перестает быть конструктором в значении главного проектировщика будущего студентов, его задача в другом – дать студентам навыки и компетенции, необходимые для дальнейшей жизни и полученной специальности, которые позволят им самим конструировать будущее – как свое, так и общества. Актуализируется значение конструктора как набора элементов или возможностей, из которых студенты могут выстроить успешное будущее. Все чаще при разработке новых образовательных программ встает вопрос стратегических компетенций, включающих не только жесткие и мягкие (hard и soft skills), но и опережающие компетенции (future skills) [8].

Такая смена основной парадигмы обучения от функциональности, связанной со стабильностью, к ориентации на неопределенное будущее, переход от восприятия студента как объекта образовательного воздействия к его включению в процесс обучения как субъекта уже не просто обсуждается исследователями, но активно реализуется на практике. Вузы, следуя современным трендам, внедряют новые инновационные формы обучения, используют различные цифровые технологии (пандемия коронавируса резко подстегнула этот процесс), но при этом существует очень мало исследований, которые показывали бы отношение

студентов к этому процессу, их включенность и готовность к самостоятельности и ответственности. Чаще изучается сформированность (или несформированность) тех или иных навыков у студентов. К примеру, если говорить о столь необходимых сегодня цифровых навыках, исследователи фиксируют наличие разрыва между де-юре (в соответствии с нормативно-методической документацией) и де-факто (реально зафиксированный уровень), который варьируется на разных направлениях подготовки [9]. При этом не рассматривается, насколько с точки зрения студентов является актуальным и востребованным тот или иной навык. Получается, что в рамках управления университетом сохраняется позиция «студента надо научить определенным навыкам». Дискуссия сводится к тому, чему и как научить, вместо того, чтобы понять, почему тот или иной навык студентами приобретается слабо, что этому мешает: отсутствие такой возможности в вузе, нежелание приобретать данный навык (его ненужность с точки зрения студентов) или неготовность к получению навыка (несформированность исходных базовых компетенций).

Таким образом, исследовательская проблема определяется тем, что, с одной стороны, происходит трансформация высшего образования: это другие формы обучения, новые технологии и дополнительные возможности. С другой стороны, остается непонятным, как сама молодежь воспринимает тот набор возможностей и инструментов, которые дает им вуз для конструирования будущего. Цель данной статьи – оценить удовлетворенность современной студенческой молодежи различными аспектами обучения и выделить факторы, детерминирующие в сознании студентов связь их обучения в настоящем с тем, что их ждет после завершения обучения.

Теоретическая основа исследования

Теоретическая рамка исследования задается, во-первых, выделением в социологии самостоятельной отрасли социологии молодежи [10], которая становится одним из важнейших направлений и признает за молодыми людьми статус активного субъекта, способного определять и формировать свое будущее, т. е. обосновывает идею субъектности [11]. Современная социология молодежи обозначила изменение реальности и необходимость переосмысления многих ее феноменов [12].

Во-вторых, данное исследование опирается на концепцию социального конструирования реальности, представленную

общественности Питером Людвигом Бергером и Томасом Лукманом еще в 1966 году [13]. Основной ее постулат следующий: социальное конструирование реальности осуществляется посредством включения в институциональную структуру общества знаний, представлений и убеждений людей о реальности. Таким образом, социальная реальность создается в процессе совместной деятельности, а ключевым элементом конструирования является человек. В настоящее время говорят не столько о создании реальности [14], сколько о конструировании будущего, что связано с высокими темпами социальных изменений в обществе, нарастанием неопределенности, появлением ранее не возникавших социальных ситуаций [15; 16]. Как отмечает Е. Князева, недостаточно быть готовым к нестабильности, следует находить из нее оптимальные выходы, т. е. активно строить предпочитаемое будущее [16, 88–89]. Владея при этом «способами навигации в настоящем» [17], молодые люди выстраивают связь с будущим.

В-третьих, теоретическая основа задана исследованиями тенденций образования – его повороту к субъектности (раньше в университете учили, сейчас в университете студенты учатся самостоятельно) и будущему (знания быстро устаревают, а приобретенные навыки сохраняются для адаптации в изменяющихся условиях). Можно выделить целый ряд работ, в которых анализируются вопросы цифровизации и внедрения новых инновационных форм обучения в высшее образование [5; 9; 18; 19], а также влияние цифровизации на формирование профессиональной культуры молодежи [20]. Несмотря на то, что в последнее время отмечается снижение интереса к получению высшего образования, по мнению молодежи, это все-таки важно для достижения жизненного успеха [21, 110]. Изучая представления студентов о своем будущем, исследователи рассматривали особенности формирования жизненных стратегий и планов молодежи [22], отношение студентов к процессу обучения и их видение своего профессионального будущего [23], изменения жизненной перспективы на разных этапах обучения [24]. Громыко Ю. В. отмечает важность образования в конструировании будущего человека, поскольку оно раскрывает личностный потенциал и формирует более содержательную и осмысленную жизнь, вооружая новыми инструментами познания и принципами саморазвития [25, 141].

В целом, несмотря на достаточно большой объем публикаций по данной проблематике, ощущается дефицит исследований, показывающих,

как студенты воспринимают предоставляемые вузом возможности, насколько они удовлетворены новыми формами обучения и видят ли их связь со своим будущим.

Методология исследования

Общая концептуальная схема исследования представлена на рис. 1 и отражает основные положения, ставшие основой при разработке программы и инструментария VIII этапа мониторинга

студентов Свердловской области, проводимого уже 25 лет под руководством Ю. Р. Вишневого.

Эмпирической базой работы послужили результаты анкетирования студентов-очников 3 курса из вузов Екатеринбурга, проведенного в рамках данного исследования. Ограничение выборки только студентами-третьекурсниками обусловлено спецификой мониторинга, в котором изучается категория молодых людей, уже прошедших адаптацию в вузе, но еще не готовящихся к выпуску. Выборка квотировалась по полу и профилю

Рис. 1. Концептуальная схема исследования

Fig. 1. Conceptual scheme of the study

подготовки студентов. Проектирование квот осуществлялось на основе статистических данных, представленных на сайте Министерства науки и высшего образования РФ. Всего было опрошено 2000 студентов из 13 вузов (УрФУ, УрГУПС, УрГЮУ, УрГПУ, УрГЭУ и других), в том числе 36 % студентов по профилю подготовки «Инженерное дело, технологии и технические науки», 32 % – «Науки об обществе», 22 % – «Гуманитарные науки», «Педагогические науки», «Образование», «Искусство и культура» и 10 % – «Математические и естественные науки», «Медицинские науки», «Сельскохозяйственные науки». Гендерная структура выборки – 40 % молодых мужчин и 60 % девушек. Предельная ошибка выборки – менее 3 % при доверительной вероятности 0,95. Более подробно описание принципов формирования выборки исследования и ее структуры дано в одном из источников [3, 20–30].

В работе производился замер таких показателей, как удовлетворенность предлагаемыми вузом возможностями (в том числе качеством профессиональной подготовки, технической базой, применением различных форм обучения – как традиционных, так и инновационных), отношение к учебе, наличие профессиональной цели, понимание содержания и специфики осваиваемой профессии,

связь получаемых знаний, навыков и компетенций с будущей работой и жизнью.

Данные опроса обрабатывались и анализировались с помощью программы IBM SPSS Statistics 22.0. В ходе исследования задействованы методы дескриптивного и корреляционного анализа, произведен расчет сводных индексов и дана их оценка в разрезе отдельных социально-демографических групп студентов.

Результаты и их обсуждение

Согласно полученным результатам, большинство студентов удовлетворены связью получаемых в университете знаний, навыков и компетенций с будущей работой (62 %) и жизнью (61 %), доля неудовлетворенных менее 10 %, примерно треть оставшихся не очень удовлетворены, но не проявляют категоричности. Исследователи отмечают, что традиционные методы обучения не воспринимаются студентами как эффективные, а предпочтение отдается инновационным методам [26, 357–358], но среди уральских студентов удовлетворенность применением традиционных форм обучения примерно на 10 % выше, чем удовлетворенность применением тех или иных инновационных форм (см. рис. 1).

Рис. 2. Удовлетворенность предлагаемыми вузом возможностями (доля ответов «да» в % от опрошенных, N=2000 человек)

Fig. 2. Satisfaction with the opportunities offered by the university (share of "yes" answers in % of respondents, N=2000 people)

Рассматривая удовлетворенность студентов различными аспектами и формами обучения в разрезе различных социально-демографических групп, можно отметить, что существенных отличий в разрезе групп по месту жительства до поступления в вуз (крупном, малом, среднем городе или сельском поселении), гендеру, семейному положению, особенностям поступления (обучение по контракту, по целевому набору или на бюджете) не отмечено. В разрезе профилей подготовки всеми студентами примерно одинаково отмечена возможность выбрать индивидуальные траектории обучения (см. табл. 1). Доля удовлетворенных внедрением проектного подхода в учебный процесс и качеством профессиональной подготовки выше среди студентов инженерного профиля, а также среди изучающих науки об обществе. Технической базой, оснащённостью лабораторий и аудиторий более удовлетворены студенты инженерных специальностей, а участием в научно-исследовательской работе – студенты-общественники. Есть значимые отличия в оценках по вузам, но это вполне логично, учитывая, что различны и их возможности.

Сильнее всего сказывается на оценках удовлетворенности теми или иными аспектами обучения в вузе степень профессиональной вовлеченности

студентов. Среди тех, кто понимает специфику профессии (и, вероятно, у кого выбор специальности был осознанным), доля полностью удовлетворенных предоставляемыми в университете возможностями выше, чем среди тех, кто не вполне понимает особенности выбранной профессии (см. рис. 3). Ниже прочих параметров оценивается удовлетворённость участием в научно-исследовательской работе, на что следует обратить внимание, более активно вовлекая студентов в эту деятельность.

Самый высокий разрыв (почти в 2 раза) между группами студентов – в оценке качества профессиональной подготовки. Парадоксально, но среди учащихся, которые не вполне отчетливо понимают содержание выбранной профессии, лишь треть студентов удовлетворена качеством профессиональной подготовки. Соответственно, это сказывается и на возможностях планирования своего будущего: не понимая сути профессии, студенты не строят долгосрочных планов. Число тех, кто не планирует и живет одним днем, в 2 раза выше, чем тех, кто имеет представление о профессии. Долгосрочное планирование на срок более 5 лет осуществляет лишь 1 из 7 опрошенных (среди понимающих специфику профессии – 1 из 4).

Таблица 1

Удовлетворенность студентов предлагаемыми вузом возможностями в разрезе профилей подготовки (доля ответов «да» в % от опрошенных данного профиля)

Table 1

Satisfaction with the opportunities offered by the university in the context of student training profiles (share of “yes” answers in % of respondents of this profile)

	Гуманитарные науки, педагогические науки и образование, искусство и культура	Науки об обществе	Математические и естественные науки, медицинские науки, сельскохозяйственные науки	Инженерное дело, технологии и технические науки
Применением традиционных форм обучения	68	74	65	72
Возможностью выбрать индивидуальные траектории обучения	61	62	64	64
Применением инновационных форм обучения	60	61	54	62
Внедрением проектного подхода в учебный процесс	59	66	59	64
Качеством профессиональной подготовки	53	65	58	61
Технической базой, оснащённостью лабораторий и аудиторий	51	60	55	69
Участием в научно-исследовательской работе	50	63	58	55

Рис. 3. Удовлетворенность предлагаемыми вузом возможностями в разрезе уровня понимания специфики профессии (доля ответов «да» в % от опрошенных по группе)

Fig. 3. Satisfaction with the opportunities offered by the university in terms of the level of understanding of the specifics of the profession (share of "yes" answers in % of the respondents in the group)

На основе отдельных оценок различных аспектов обучения построен сводный индекс удовлетворенности предлагаемыми вузом возможностями. Он составляет 0,77 в шкале от 0 (все не удовлетворены) до 1 (все полностью удовлетворены) и определяется как средневзвешенное от частных индексов удовлетворенности. Сводный индекс статистически значимо коррелирует с удовлетворенностью связью получаемых знаний, навыков и компетенций с будущей работой и жизнью (коэффициент корреляции Спирмана = 0,55 на уровне значимости $<0,001$). При этом удовлетворенность связью получаемых навыков с будущей работой сильнее коррелирует с качеством профессиональной подготовки (коэффициент корреляции Спирмана = 0,495 на уровне значимости $<0,001$) и участием в научно-исследовательской работе (коэффициент корреляции Спирмана = 0,395 на уровне значимости $<0,001$), а удовлетворенность связью с жизнью – с возможностью выбрать индивидуальные траектории обучения (коэффициент корреляции Спирмана = 0,409 на уровне значимости $<0,001$) и внедрением проектного подхода в учебный процесс (коэффициент корреляции Спирмана = 0,388 на уровне значимости $<0,001$).

Таким образом, современный университет предоставляет студентам возможность собрать свой уникальный набор компетенций, и большинство опрошенных учащихся Свердловской области в целом этими возможностями удовлетворены, хотя отмечаются некоторые отличия в зависимости от вуза и профиля подготовки. Самый низкий уровень удовлетворенности предоставляемыми вузом возможностями – у студентов гуманитарных специальностей, а также сферы педагогических наук и образования, искусства, культуры (сводный индекс удовлетворенности – 0,73). Наиболее высок этот показатель у студентов, чей профиль подготовки в вузе – инженерное дело, технологии и технологические науки, и науки об обществе (0,78). Также уровень удовлетворенности различными аспектами обучения оказывается статистически значительно выше у тех студентов, которые имеют достаточно полное представление о специфике и содержании профессии (сводный индекс удовлетворенности – 0,78 против 0,64), что свидетельствует о том, что новые формы обучения предъявляют и более высокие требования к ответственности студентов за свое образование.

Важно отметить, что удовлетворенность связью получаемых знаний, навыков и компетенций

Таблица 2

Корреляционные зависимости между удовлетворенностью вузом и осваиваемой профессией и удовлетворенностью связью получаемых знаний, навыков, компетенций с будущим студентов*

Table 2

Correlations between satisfaction with the university and the profession being mastered and satisfaction with the relationship of acquired knowledge, skills, and competencies with the students' future*

	Удовлетворены ли Вы сейчас избранным вузом?	Удовлетворены ли Вы сейчас осваиваемой профессией?
Удовлетворенность связью получаемых знаний, навыков, компетенций с жизнью	0,392	0,372
Удовлетворенность связью получаемых знаний, навыков, компетенций с будущей работой	0,383	0,407

* рассчитан коэффициент корреляции Спирмана, все представленные коэффициенты статистически значимы (на уровне $<0,001$).

с жизнью сильнее коррелирует с удовлетворенностью вузом, а удовлетворенность их связью с будущей работой – с удовлетворенностью осваиваемой профессией (см. табл. 2).

Данный факт подтверждает, что университет дает не только профессиональную подготовку, позволяющую молодежи реализоваться на рынке труда, но и предлагает некие дополнительные навыки и компетенции, позволяющие добиться успеха в жизни даже вне полученной профессии.

Как уже отмечалось, современное высшее образование делает ставку на свободу и ответственность студентов [6; 18]: предполагается, что они осознанно относятся к своему обучению, обладают необходимым уровнем ответственности и вовлеченности для успешного построения будущего. Как показано выше, вузы Екатеринбурга в той или иной мере предоставляют выбор индивидуальных траекторий обучения, а также различные другие формы, соответствующие современным мировым трендам (проектное обучение, активные методы обучения и др.), и большинство опрошенных студентов такими возможностями полностью удовлетворены. Но насколько высока среди студентов готовность брать на себя ответственность за свое обучение? Как показали результаты опроса, лишь четверть опрошенных не ограничиваются освоением учебного материала, стараются изучать то, что выходит за рамки учебных программ. Треть студентов отметили, что они стараются своевременно сдавать все по учебе, но их интерес не связан с осваиваемой профессией. Еще примерно треть разграничивают дисциплины на нужные и ненужные (правда, не совсем понятно, на основании чего это делается), а остальные (около 10 %) просто стараются

«не вылететь» из вуза, не прилагая особых усилий к учебе. Примерно столько же (11 %) не понимают специфики получаемой профессии. Наличие хоть какой-нибудь отдаленной профессиональной цели отметили только 39 % респондентов. Все это говорит о том, что уровень осознанности и ответственности студентов не высок, что ограничивает их возможности в конструировании своего будущего.

Анализ в разрезе отдельных категорий молодежи показал, что существует много стереотипов. Так, например, считается, что девушки относятся к учебе более ответственно, чем молодые люди, однако это не подтвердилось. Сводный индекс осознанности и ответственности (построен как средневзвешенное от трех показателей: отношение к учебе, наличие профессиональной цели и понимание содержания и специфики осваиваемой профессии) у мужчин оказался даже выше, чем у женщин (0,62 против 0,57). Среди мужчин выше и доля тех, кто не ограничивается освоением учебного материала, самостоятельно изучая и то, что выходит за рамки учебных программ и планов (28 % против 22 %).

Также бытует стереотип, что студенты, обучающиеся по контракту, особым усердием в учебе не отличаются. Иногда транслируется прямо противоположная позиция: студенты-контрактники более ответственно относятся к учебе – ведь у них ответственность перед родителями за вложенные в обучение средства. Но ни та, ни другая позиция не являются истинными. Отношение к учебе оказывается примерно одинаковым и у бюджетников, и у тех, кто учится по контракту или по целевому приему. Статистически значимой разницы в оценках не обнаруживается.

Часто считается, что выходцы из сел и малых городов будут более ответственны в учебе, ведь для них это возможность подняться по социальному лифту. Однако и это оказалось не так. Статистически значимых отличий по этому параметру также не отмечается: и выходцы из мегаполисов, и приезжие из малых городов или сел имеют примерно одинаковый уровень сводного индекса осознанности и ответственности, а доли высокоответственных и тех, кто просто старается не вылететь из университета, примерно одинаковы.

Полученные результаты демонстрируют проблему неготовности части студенчества к ответственности за конструирование своего будущего несмотря на то, что развитие высшего образования идет именно в этом направлении. Корреляционная зависимость сводного индекса осознанности и ответственности студентов (а также его составляющих) с удовлетворенностью связью получаемых знаний, навыков, компетенций с будущей работой и жизнью является слабой, хоть и статистически значимой (коэффициент корреляции Спирмана = 0,222 на уровне значимости $<0,001$).

Таким образом, анализ показал, что связанность получаемых знаний, навыков и компетенций с планируемым будущим статистически значимо коррелирует как с объективными факторами (набором возможностей, предлагаемых вузом), так и с субъективными (личной ответственностью и осознанностью). При этом сила связей выше именно с объективными факторами, что свидетельствует о том, что вуз не только дает некий набор возможностей для построения своего будущего, но и мотивирует этим пользоваться. Как отмечает в своей статье Балацкий Е. В., предоставление свободы студентам должно активизировать у них новую мотивацию в ситуации, когда нет получения готового образовательного комплекта по дисциплинам с определенными сроками и т. п., а есть возможность корректировать это в разных направлениях [6, 89].

Заключение

В заключении отметим, что, несмотря на пандемию и связанную с ней (и не только) ситуацию неопределенности, большинство студентов удовлетворены тем набором условий, возможностей и инструментов, которые дает им вуз для конструирования будущего. Удовлетворенность связью получаемых знаний, навыков и компетенций со своим будущим (жизнью, работой) определяется как объективными факторами, т. е. тем, что

дает вуз, так и субъективными, т. е. тем, насколько осознанно сам студент относится к построению своего будущего.

При этом восприятие предоставляемых вузом возможностей зависит от уровня ответственности и осознанности: если сам студент проявляет активность, стремится выйти за рамки «базы», то он отчетливее видит связь получаемых им в вузе компетенций со своим будущим. Многие современные активные формы обучения в вузе (такие, как проектное обучение, выбор индивидуальной траектории и т. п.) дают очень хороший результат при условии, что студент свободен в выборе и ответственен за него (т. е. изначально предполагается высокий уровень осознанности студентов), но это не всегда так. Исследование показывает, что не все учащиеся понимают, в каком направлении они могут двигаться: при поступлении в вуз треть студентов не представляют даже содержание выбранной профессии, более половины не имеет какой-либо профессиональной цели. В этой ситуации именно университету принадлежит решающая роль не только в предоставлении новых образовательных возможностей, но и в формировании осознанности и ответственности студентов, чтобы они смогли стать акторами своего будущего.

Чтобы вуз действительно помогал студентам строить будущее, важно организовать работу со всеми группами студенческой молодежи, осуществлять поиск новых форм работы с неуспешными (несамостоятельными) студентами. По справедливому замечанию Г. Е. Зборовского и П. А. Амбаровской, успешные студенты должны «выращиваться», а не «отбираться» [19, 520]. Учитывая, что каждый десятый третьекурсник до сих пор не представляет специфику и содержание осваиваемой профессии, важно это прорабатывать. Университет должен не только взять на себя профессиональную подготовку и обучение, но и помочь молодежи «найти себя», показать, что получаемые навыки и компетенции помогут реализоваться не только в конкретной специальности, но и позволят добиться успеха на каком-то ином поприще.

Список литературы

1. Вишневский Ю. Р., Банникова Л. Н., Дидковская Я. В. Исследование проблем профессионального самоопределения студенчества Свердловской области // Университетское управление: практика и анализ. 2000. № 2. С. 74–80.
2. Вишневский Ю. Р., Нархов Д. Ю. Управленцам вузов о социокультурном развитии студентов // Университетское

управление: практика и анализ. 2018. Т. 22. № 3 (115). С. 165–174. DOI 10.15826/umpa.2018.03.035.

3. Молодежь о будущем России и о себе: вызовы настоящего и конструирование горизонтов грядущего: (по материалам VIII этапа мониторинга динамики социокультурного развития уральского студенчества 1995–2020 гг.). Екатеринбург : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2021. 372 с.

4. Ридингс Б. Университет в руинах. Москва: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 304 с.

5. Строков А. А. Цифровизация образования: проблемы и перспективы // Вестник Мининского университета. 2020. Т. 8. № 2 (31). С. 15. DOI 10.26795/2307-1281-2020-8-2-15.

6. Балацкий Е. В. Новые тренды в развитии университетского сектора // Мир России. Социология. Этнология. 2015. Т. 24. Номер: 4. С. 72–98.

7. Деброк Л. Новая эра очного образования: масштабируемая система интерактивного взаимодействия // Вопросы образования. 2018. № 4. С. 44–59. DOI 10.17323/1814-9545-2018-4-44-59.

8. Яшин А. А., Ключев А. К., Багирова А. П. Предпринимательское образование в магистратуре: текущее состояние и новые вызовы // Современная конкуренция. 2018. Т. 12. № 2–3 (68–69). С. 41–51.

9. Дмитриев Я. В., Алябин И. А., Бровко Е. И., Двинина С. Ю., Демьянова О. В. Развитие цифровых навыков у студентов вузов: де-юре vs де-факто // Университетское управление: практика и анализ. 2021. Т. 25, № 2. С. 59–79. DOI 10.15826/umpa.2021.02.015.

10. Вишневецкий Ю. Р., Шапко В. Т. Социология молодежи : учеб. пособие. Екатеринбург, Н. Тагил, 1995. 311 с.

11. Луков В. А. Молодежная политика: Концепция И. М. Ильинского // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 2. С. 13–24.

12. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Современная Социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся. 2017. № 15. С. 12–48.

13. Berger P. L., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. New York. 1966.

14. Дуреев С. П., Дуреева Н. С. Конструирование социальной реальности в контексте современного мирового развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 3 (385). С. 21–25.

15. Mische A. Projects and Possibilities: Researching Futures in Action // Sociological Forum. 2009. No. 3 (24). P. 695–705 DOI 10.1111/j.1573–7861.2009.01127.x

16. Князева Е. Н. Конструирование будущего // Экономические стратегии. 2010. Т. 12. № 4 (78). С. 88–97.

17. Carabelli G., Lyon D. Young people's orientations to the future: navigating the present and imagining the future // Journal of Youth Studies. 2016. № 8 (19). P. 1–18. DOI 10.1080/13676261.2016.1145641

18. Черепанова Ю. Школа будущего: пять трендов, которые совершат революцию в высшем образовании // Forbes. 2020. URL: [https://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/404527-shkola-budushchego-pyat-trendov-](https://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/404527-shkola-budushchego-pyat-trendov)

[kotorye-sovershat-revolyciyu-v-vysshem](#) (дата обращения 05.04.2022).

19. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Социология высшего образования : монография. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. 539 с.

20. Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Пырма Р. В., Синяков А. В., Азаров А. А. Влияние цифровых коммуникаций на формирование профессиональной культуры российской молодежи: результаты комплексного прикладного исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 1 (149). С. 228–251. DOI 10.14515/monitoring.2019.1.11

21. Константиновский Д. Л. Новая молодежь в новой реальности образования // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. 2016. № 1. С. 106–162.

22. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3 (157). С. 13–41. DOI 10.14515/monitoring.2020.3.1602.

23. Ефременко И. И., Герасимова А. А. Представления студентов о профессиональном будущем // Философско-педагогические проблемы непрерывного образования: сборник научных статей, Могилев, 12–13 мая 2016 года. Могилев: Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова, 2016. С. 143–147.

24. Самсоненко Л. С. Изучение представлений о будущем у студентов на разных этапах обучения // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. № 4 (29). С. 355–358. DOI 10.26140/anip-2019-0804-0084

25. Громыко Ю. В. Современные проблемы российского образования // Стратегические приоритеты. 2020. № 1–2 (25–26). С. 137–157.

26. Раицкая Л. К., Тихонова Е. В. Soft skills в представлении преподавателей и студентов российских университетов в контексте мирового опыта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 3. С. 350–363. DOI 10.22363/2313-1683-2018-15-3-350-363

References

1. Vishnevsky Yu. R., Bannikova L. N., Didkovskaya Ya. V. Issledovanie problem professional'nogo samoopredeleniya studenchestva Sverdlovskoj oblasti [Case Study of Professional Self-Determination of Students in Sverdlovsk Region]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* [University Management: Practice and Analysis], 2000, nr 2, pp. 74–80. (In Russ.).

2. Vishnevskij Yu. R., Narhov D. Yu. Upravleniam vuzov o sociokul'turnom razvitii studentov [University Managers on the Socio-Cultural Development of the Students]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* [University Management: Practice and Analysis], 2018, vol. 22, nr 3 (115), pp. 165–174. doi 10.15826/umpa.2018.03.035. (In Russ.).

3. Molodezh' o budushchem Rossii i o sebe: vyzovy nastoyashchego i konstruirovaniye gorizontov gryadushchego: (po materialam VIII etapa monitoringa dinamiki sociokul'turnogo razvitiya ural'skogo studenchestva 1995–2020 gg.) [Youth about the Future of Russia and about Themselves: Challenges of the Present and Constructing the Horizons of the Future:

(based on the materials of the VIII stage of monitoring the dynamics of the socio-cultural development of the Ural students in 1995–2020)], Ekaterinburg, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, 2021, 372 p. (In Russ.).

4. Ridings B. Universitet v ruinakakh [University in Ruins], Moscow, Publishing House of the State University Higher School of Economics, 2010. 304 p. (In Russ.).

5. Stokov A. A. Tsifrovizatsiya obrazovaniya: problemy i perspektivy [Digitalization of Education: Problems and Prospects]. *Vestnik Mininskogo universiteta* [Bulletin of the Minin University], 2020, vol. 8, nr 2 (31), pp. 15. doi 10.26795/2307-1281-2020-8-2-15. (In Russ.).

6. Balatskii E. V. Novye trendy v razvitii universitetskogo sektora [New trends in the Development of the University Sector]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*. [World of Russia. Sociology. Ethnology], 2015, vol. 24, nr 4, pp. 72–98. (In Russ.).

7. Debrok L. Novaya era ochnogo obrazovaniya: masshtabiruemaya sistema interaktivnogo vzaimodeistviya [A New Era of Full-Time Education: a Scalable System of Interactive Cooperation]. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Issues], 2018, nr 4, pp. 44–59. doi 10.17323/1814-9545-2018-4-44-59. (In Russ.).

8. Yashin A. A., Klyuev A. K., Bagirova A. P. Predprinimatel'skoe obrazovanie v magistrature: tekushchee sostoyanie i novye vyzovy [Entrepreneurial Education in Magistracy: Current State and New Challenges]. *Sovremennaya konkurentsia* [Modern Competition], 2018, vol. 12, nr 2–3 (68–69), pp. 41–51. (In Russ.).

9. Dmitriev Ya. V., Alyabin I. A., Brovko E. I., Dvinina S. Yu., Dem'yanova O. V. Razvitie tsifrovyykh navykov u studentov vuzov: de-yure vs de-fakto [Development of Digital Skills among University Students: De Jure vs De Facto]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* [University management: practice and analysis], 2021, vol. 25, nr 2, pp. 59–79. doi 10.15826/umpa.2021.02.015. (In Russ.).

10. Vishnevskii Yu. R., Shapko V. T. Sotsiologiya molodezhi [Sociology of Youth], Ekaterinburg, Nizhny Tagil, 1995, 311 p. (In Russ.).

11. Lukov V. A. Molodezhnaya politika: Kontseptsiya I. M. Il'inskogo [Youth Policy: the Concept of I. M. Ilyinsky]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2016, nr 2, pp. 13–24. (In Russ.).

12. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Sovremennaya Sotsiologiya molodezhi: izmenyayushchayasya real'nost' i novye teoreticheskie podkhody [Modern Sociology of Youth: Changing Reality and New Theoretical Approaches]. *Rossiya reformiruyushchayasya* [Reforming Russia], 2017, nr 15, pp. 12–48. (In Russ.).

13. Berger P. L., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. New York. 1966. (In Eng.).

14. Dureev S. P., Dureeva N. S. Konstruirovaniye sotsial'noi real'nosti v kontekste sovremennogo mirovogo razvitiya [Construction of Social Reality in the Context of Modern World Development]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2016, nr 3 (385), pp. 21–25. (In Russ.).

15. Mische A. Projects and Possibilities: Researching Futures in Action. *Sociological Forum*, 2009, nr 3 (24), pp. 695–705 DOI 10.1111/j.1573-7861.2009.01127.x (In Eng.).

16. Knyazeva E. N. Konstruirovaniye budushchego [Designing the Future]. *Ekonomicheskie strategii* [Economic Strategies], 2010, vol. 12, nr 4 (78), pp. 88–97.

17. Carabelli G., Lyon D. Young people's orientations to the future: navigating the present and imagining the future. *Journal of Youth Studies*, 2016, nr 8 (19), pp. 1–18. doi 10.1080/13676261.2016.1145641 (In Eng.).

18. Cherepanova Yu. Shkola budushchego: pyat' trendov, kotorye sovershat revolyutsiyu v vysshem obrazovanii [School of the Future: Five Trends that Will Revolutionize Higher Education]. Available at: <https://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/404527-shkola-budushchego-pyat-trendov-kotorye-sovershat-revolutsiyu-v-vysshem> (accessed 05.04.2022). (In Russ.).

19. Zborovskii G. E., Ambarova P. A. Sotsiologiya vysshego obrazovaniya [Sociology of higher education]. Ekaterinburg, Gumanitarnyi universitet, 2019, 539 p. (In Russ.).

20. Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Pyrna R. V., Sinyakov A. V., Azarov A. A. Vliyanie tsifrovyykh kommunikatsii na formirovaniye professional'noi kul'tury rossiiskoi molodezhi: rezul'taty kompleksnogo prikladnogo issledovaniya [The Impact of Digital Communications on the Formation of the Professional Culture of Russian Youth: the Results of a Comprehensive Applied Research]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2019, nr 1 (149), pp. 228–251. doi 10.14515/monitoring.2019.1.11 (In Russ.).

21. Konstantinovskii D. L. Novaya molodezh' v novoi real'nosti obrazovaniya [New Youth in the New Education Reality]. *Obrazovanie i nauka v Rossii: sostoyanie i potentsial razvitiya* [Education and science in Russia: state and development potential], 2016, nr 1, pp. 106–162. (In Russ.).

22. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Zhiznennyye strategii molodezhi: realizatsiya ozhidaniy i sotsial'nye nastroyeniya [Life Strategies of Youth: Realization of Expectations and Social Moods]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2020, nr 3 (157), pp. 13–41. doi 10.14515/monitoring.2020.3.1602. (In Russ.).

23. Efremenko I. I., Gerasimova A. A. Predstavleniya studentov o professional'nom budushchem [Students' Ideas about the Professional Future]. *Filosofsko-pedagogicheskie problemy nepreryvnogo obrazovaniya: sbornik nauchnykh statei* [Philosophical and pedagogical problems of continuous education: collection of scientific articles], Mogilev, 2016, pp. 143–147. (In Russ.).

24. Samsonenko L. S. Izuchenie predstavlenii o budushchem u studentov na raznykh etapakh obucheniya [The Study of Students' Ideas about the Future at Different Stages of Education]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya* [Azimut of scientific research: pedagogy and psychology], 2019, nr 4 (29), pp. 355–358. doi 10.26140/anip-2019-0804-0084 (In Russ.).

25. Gromyko Yu. V. Sovremennyye problemy rossiiskogo obrazovaniya [Modern Problems of Russian Education]. *Strategicheskie priority* [Strategic priorities], 2020, nr 1–2 (25–26), pp. 137–157. (In Russ.).

26. Raitskaya L. K., Tikhonova E. V. Soft skills v predstavlenii prepodavatelei i studentov rossiiskikh universitetov v kontekste mirovogo opyta [Soft Skills in the View of Teachers and Students of Russian Universities in the Context of World Experience]. *Vestnik Rossiiskogo*

universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy], 2018, vol. 15, nr. 3, pp. 350–363. doi 10.22363/2313-1683-2018-15-3-350-363 (In Russ.).

Информация об авторах/Information about the authors

Вишневский Юрий Рудольфович – доктор философских наук, почетный профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; soc_stu@el.ru.

Тарасова Анна Николаевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; ORCID 0000-0002-9448-2893; a.n.tarasova@urfu.ru.

Yuri R. Vishnevsky – Dr. Sci. (Philos.), Honorary Professor, Sociology and Public Administration Department, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin; soc_stu@el.ru.

Anna N. Tarasova – Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Sociology and Public Administration Department, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin; ORCID 0000-0002-9448-2893; a.n.tarasova@urfu.ru.

